Муж объелся груш

Автор:
Татьяна Веденская

Муж объелся груш

Татьяна Веденская

Эх, кабы знать Маше, чем закончится ее семейная жизнь, о которой столько мечталось, десять раз бы подумала – стоит ли вступать в брак! Выставил Машу с дочкой муж за порог, и оказались мать и дитя у ворот родительского дома. Но любовь зла, и Мария готова сделать все, что угодно, лишь бы вернуть супруга! А стоит ли оно того, девочки? Время покажет…

Татьяна Веденская

Муж объелся груш

Посвящается: себе самой; Насте М.;

всем тем, кого не миновала чаша сия

Часть первая

Я и Новые Ворота

Глава 1

Чемодан, вокзал, Ярославка

Зовут меня Маша Киселева, мне двадцать пять лет, и я – мать-одиночка, пребывающая в состоянии развода, хотя еще вчера все это было не так. Еще вчера у меня имелась семья, пусть не образец для подражания, ибо не дружная и не счастливая, но все-таки семья. И какая-никакая, она не должна была взять и просто так развалиться на ровном месте. Я оказалась к этому не готова, особенно теперь, когда все зашло так далеко. Вчера у меня был муж, который не очень-то меня любил, но которого я любила за нас обоих, и ребенок, дочь Сонечка, которую, если верить словам, любили все.

Да, и еще у меня была свекровь. Если бы меня попросили в нескольких словах сказать, в каких отношениях я состояла с моей, теперь уже бывшей, свекровью, я бы, недолго думая, ответила, что она всегда относилась ко мне по-человечески. Насчет остального можно поспорить, но вот свекровь – да. По-человечески в чистом виде. Она, можно сказать, даже меня как-то любила, хотя поводов у нее для того, признаться, особенно и не имелось. Не за что, прямо скажем, меня любить. Не пара я была ее сыночку, да и вообще… Просто она вот такой хороший человек, с чем я лично долгое время даже не пыталась спорить. Единственное, что меня немного смущало, так это с каким энтузиазмом она сама постоянно кричала на всех семейных мероприятиях, как по-человечески она относится ко мне. Выглядело это так, словно относиться ко мне по-человечески было делом сугубо тяжелым и практически невыносимым.

Когда мы с Денисом, ее сыном и моим, соответственно, мужем, только поженились, она любила подчеркнуть, что хоть весь наш брак и есть сплошное недоразумение, она будет терпеть, потому что такой уж она человек хороший. Бывало, соберутся всякие там родственники да приятели ее, усядутся за столом в гостиной и начнут лясы точить. Как да что, молодые-то не мешают? Как невестка – не свела еще с ума? Свекровь моя, дама высокоинтеллигентная, вздохнет долготерпеливо, пожмет плечами округлыми, откинет с лица белые волосы, крашены, конечно же, да и скажет:

– Маша, конечно, не пара Денису, чего уж там. Но девочка она неплохая, нет. Я всегда стараюсь относиться к ней по-человечески, жалко мне ее, ведь вот кулема, все из рук валится. Буквально. Пытаемся как-то ее воспитать, но гены-то

свое берут.

– А что же с генами-то? Вроде из хорошей семьи, – удивлялась родня. Та ее часть, которая была еще не в курсе по каким-то странным причинам. Может, только что вернулась с Дальнего Севера, там по радио пока не передавали, что не так с моими генами. Или прилетела с Луны, с той, с другой стороны. Остальные все уже знали, что со мной не так, правда, от этого их интерес не уменьшался.

– Да что вы. У нее папаша-то из этих, черных… – шепотом добавляла свекровь, якобы чтобы не задеть моих чувств. Шепот ее, конечно же, был мне прекрасно слышен, но главное-то не это, главное – соблюсти приличия. В общем, после соблюдения приличий эта тема обсуждалась уже без стеснения.

– Из каких черных?

– А, я не знаю точно. Азербайджан или что-то такое, – еще тише шипела она, закатывая глаза. Это было не совсем верно, мой папа – грузин по происхождению, о чем свекровь отлично знала. Да, действительно, так случилось, что мой папочка родом из Тбилиси, отчего, правда, он не становился ни хуже, ни лучше. Папа и папа, только разве что сказки на ночь читал мне с акцентом. А жил он в Москве уже лет сорок, если не больше, еще в институте женившись по большой любви на русской девушке Светлане, моей маме. Из-за чего, собственно, и был разорван родственный круг. Тбилисская родня не приняла его русской жены, так что пришлось ему осесть на московской земле, среди холодов и серого неба. Он не стал делать из этого большого события, не обернулся назад ни разу, взял фамилию жены и принялся строить свою жизнь здесь. Небезуспешно.

– Нет, он, конечно, доктор. Хирург, работает в Бурденко, – словно бы оправдывалась свекровь за совершенный ее сыном мезальянс. – Только что там говорить. Все равно воспитание специфическое. Вся эта кавказчина.

– А по виду даже и не скажешь, – удивлялись все. – Такая… русская по внешности. Ни акцента, ничего…

– Откуда же быть акценту, она же здесь родилась, – поясняла моя свекровь, пожав плечами. – Ладно, что там говорить. Живут пока, и ладно. Девочка

неплохая. Домашняя девочка. Только вот Денис… зачем ему это? Я-то потерплю, раз его такое решение. Надо относиться друг к другу по-человечески.

– Хороший ты человек, Ядвига, – задумчиво кивали родственники, закусывая холодцом. Холодец моя свекровь варила знатный, тратила на это целый день. Холодец, пироги, макароны… Свекровь готовить умела, а я – нет. Еще одно очко не в мою пользу. Кстати, об очках – это Денис придумал, почти сразу после свадьбы, ставить оценки всем моим действиям, от того, как я застилаю кровать, до пригоревших котлет. О котлетах – это я в буквальном смысле. Однажды я решилась приготовить ему котлеты и даже спросила у его мамы, как лучше их делать. Она дала мне рецепт, дала и продукты. Мы тогда едва месяц как поженились, кажется. Только-только вернулись из свадебной Турции. А котлеты сгорели, покрывшись черной коростой, я даже сама не поняла, как именно это произошло. Вроде бы я следила. Вроде бы стояла тут рядом, но через секунду обернулась, а из сковороды валит дым. Естественно, результат оказался плачевным. Денис посмотрел в тарелку, закономерно скривился, выразительно вытаращился на меня и спросил:

– Это же несъедобно?.. Даже не двойка!

– Прости. Я не привыкла к газовой плите, – чуть не рыдала я, понимая, что так сердце мужчины, о котором мечтала столько времени, не завоевать. А он, Денис, посмотрел сквозь меня, зная, что от этого я расстроюсь еще больше, и закричал:

– Мам, у нас есть что-то поесть?

– Конечно, сыночек. Будешь запеканку? Или тебе омлетик сделать? – Ядвига Яковлевна, победно проплывая мимо меня, занимала собой всю кухню, а я, разгромленная, уходила в комнату лить слезы. С тех пор и повелось. Что бы я ни делала, он ставил мне двойки.

– Опять двойка? – пыталась пошутить я, но Денис с серьезным видом втолковывал мне про долг жены, про то, как невыносимо плоха я, с какой стороны на меня ни посмотри.

– И не надо только реветь, – злился он, если я вдруг не могла сдержаться при нем. Я старалась, но иногда слезы просто лились сами собой. Ведь я любила его, любила очень сильно, хотела сделать его счастливым, но как? Я же не

красавица, не модель – невысокая, круглолицая Маша. Мне вообще повезло, что он почему-то посмотрел в мою сторону. Потому что таких, как я, миллион, а таких, как мой Денис – высоких, красивых, умных, решительных, – я таких вообще больше не видела. И вот что бы я ни делала, ничего у меня не получалось. Мне и хотелось как-то отогнать эту мысль, но факт был, что называется, медицинский. Не сразу, не на следующий день после свадьбы, но очень быстро я поняла, что разочаровала его.

– Я люблю тебя, – только и оставалось мне шептать при взгляде на его красивый профиль, на строгое даже во сне лицо.

– Я знаю, – кивал он. – Ты не могла бы дать мне поспать? Мне завтра на работу.

– Хорошо, конечно, – кивала я, закусывая губы от отчаяния. В такие моменты я была уверена, что мы неотвратимо движемся к концу, как бы я ни старалась его оттянуть. Я пыталась что-то изменить, стать лучше, быть такой, какой он хочет видеть меня. Я готовила еду строго по рецептам его мамы, но, конечно же, она выходила не такой, как надо. Тогда я перестала ее делать, только бегала по магазинам, покупала то, что требовалось свекрови. Тут, конечно, тоже не обходилось без промахов.

– Ох, кулема ты, что ж это за картошка. Надо было брать тамбовскую, она лучше всего. Я же тебе говорила.

– Это тамбовская.

– Да какая это тамбовская, это небось мытая голландская дрянь. Ладно.

– Может, сходить и вернуть? – предложила я, хотя идея тащить обратно на рынок эти пять кило меня не вдохновляла.

– Можно и сходить, – одобрял Денис, но Ядвига вмешивалась и останавливала меня.

– Ладно, используем и эту, – вздыхала свекровь. Всем своим видом она давала понять, особенно Денису, что заниматься моим «воспитанием» ей тяжело, но приходится.

– Ты понимаешь, что маме тяжело? Ты должна ей помогать, – сердился Денис. – Ты эгоистка. Зачем тогда было выходить замуж, если ты все повесила на плечи моей мамы?

– Я помогаю, – кивала я, хотя не совсем улавливала, в чем конкретно я виновата. Честное слово, кажется, Денису угодить было нельзя. Ему не нравилось все. Как я веду себя, как я шучу, как держу себя в обществе его друзей.

– Что ты все время тащишься за мной? – спрашивал он. – Могу я просто сходить к своим друзьям? Что, если я женился, я должен везде быть только с тобой? Ты уж извини, но ты бы лучше сначала научилась себя вести.

– Я не умею себя вести? – удивлялась я. Выяснялось, что да, на его взгляд, держать надо себя по-другому. Тогда я перестала шутить в обществе его друзей, потому что, и это правда, шутила я часто глупо и не к месту. Я оставалась дома, чтобы ему не мешать, потому что ему не нравилось, как я выгляжу, как одеваюсь. И хотя я носила ту одежду, которую, как ему кажется, следовало, она все равно меня портила, или я ее, что даже более правильно.

– На тебя что ни надень, все или висит, или топорщится, – удивлялся Денис, когда я пыталась как-то приодеться.

– Просто у меня неправильная фигура, – защищалась я.

– Тебе надо похудеть. И не надевай платьев, если уж Бог не дал красивых ног. При таком маленьком росте тебе просто нельзя иметь такие бедра, – объяснял он. – И осанка, что у тебя со спиной? Ты горбишься, как карлик.

– Ты считаешь? Похудеть? Ладно, я попробую, – согласилась я, хотя даже не представляла, как это осуществить. Впрочем, делать ничего не пришлось. И вот по какой причине. Примерно после года нашего семейного и внесемейного счастья случилась со мной, так сказать, ситуация. Я бы ее назвала «ненарочное зачатие», потому что при всех прочих равных факторах иметь детей – это было последнее, что мне могло прийти в голову в тот момент. Наш брак висел на волоске, и я не то что о ребенке не думала, я занималась только тем, чтобы этот волосок не накрылся медным тазом. Стояла, не шевелясь. А тут это.

– Что? Беременна? – с интересом отреагировал Денис. – Ты уверена?

– Не знаю, как это – считается? – полюбопытствовала я, протянув ему сразу три теста для определения проблем.

– Н-да, – почесал в затылке он. – А две полоски – это, значится, попал?!

– Куда попал? – смутилась я.

– Даже не знаю, – как-то легко отреагировал он. – Потянем ли мы? У меня на работе проблемы, сейчас не самое лучшее время. А тебе, если уж ты будешь это… ну…

– Рожать?

– Да. Придется с работы вообще уйти. На какое-то время.

– Это да, – пригорюнилась я, понимая, как не радует эта перспектива Дениса. Моя зарплата была ему как родная, он к ней привык, он с ней сжился, он любил ее, наверное, даже больше, чем меня. Я работала в одной частной клинике, где папа иногда практиковал, секретарем в приемной заведующего отделением. Оклад мой был не так чтобы очень велик, зато премии ничего.

– А ты говорила с мамой? – все еще мрачно-туманным голосом спросил он.

– С мамой? – удивилась я. У меня и в мыслях не возникло, что нужно было это сделать. Как вы себе это видите? При чем тут мама вообще? – А с чьей мамой я должна была говорить?

– Да уж не с твоей, – фыркнул он. Его отношения с моей мамой всегда были весьма специфичны. Он считал, что она, моя мама, и в подметки не годится его Ядвиге, хотя бы потому, что моя мама пошла на сделку с природой, выйдя замуж за… ну вы знаете за кого. За черного!!! Вах!!! А его мама растила его совсем одна и пожертвовала ради его, Денисочкиного, будущего своей личной жизнью. Все отдала материнству, ничем не попрекнула, хотя его отец и оставил ее, Ядвигу, одну в самом расцвете лет.

– А при чем тут наш ребенок и твоя мать?

– Или ты думаешь, что можешь принимать это решение сама? – возмутился Денис.

Далее я выслушала его мнение о том, какая я эгоистка и как не ценю всего того, что его мама делает для меня. И что если уж на то пошло, то я должна сама подумать, какая из меня мать. Если я не могу чай заварить так, чтобы его не разлить, что я буду делать с ребенком.

– Я так и вижу, как ты забываешь ребенка где-нибудь в супермаркете, потому что тебе позвонила твоя мамаша и ты с ней заболталась, как всегда.

– Так что, не надо ребенка? – уточнила я с полнейшей готовностью исполнить любую его волю. Мне было, по большому счету, все равно, что он решит, лишь бы он был счастлив. Правда, ребеночек… мысль о том, чтобы получить себе на руки маленького Дениса, мне нравилась. Может быть, хоть его ребенок будет меня любить. Только ш-ш-ш-ш… никому ни слова. Маленькая тайна.

– Ну, не знаю. Давай поговорим с мамой, – пожал плечами Денис. И вот после созыва второго съезда родительской партии (первый состоялся перед свадьбой и прошел крайне неудачно, о чем я расскажу чуть позже) было решено и постановлено, что ребенку быть и саду цвесть. Как именно быть и на какие средства цвесть – в этом родственники путались и давали противоречивые показания. И вообще вели себя весь вечер крайне непоследовательно. Сначала обе наши мамы, моя и Ядвига Яковлевна, в один голос кричали, что мы еще слишком молоды и не готовы, что у меня вообще в голове ветер гуляет.

– Куда ей ребенка?! Это же, вы понимаете, все ляжет на мои плечи, – вздыхала свекровь.

– Мы тоже поможем, конечно же, но все же как-то рановато. Маше еще надо карьеру строить, зарплаты вашего Дениса явно не хватает, а мы с Асланом не вечны, – язвила моя мамочка. Она неприкрыто намекала, что львиная часть нашего бюджета через всякие мелкие подачки поступала к нам из средств того самого… (вах!!!), которого столь неприкрыто презирает Ядвига.

– Потрать это на сэбя, дочка, – говорил папа, засовывая мне деньги в сумку, когда я бывала дома.

– Ладно, – кивала я.

– Что ладно?! – моментально заводился он. – Знаю я, все твая Ядвига отбэрет.

– Не отберет, – заверяла его я и не кривила душой. Ядвига, хоть и не любила моего отца, на что, впрочем, папочка отвечал полнейшей взаимностью, денег моих не считала и не брала. Деньги забирал Денис. Это называлось «семейный бюджет», и считалось, что только он сумеет им правильно распорядиться. Он и его мама. За это мой папа Дениса и презирал, не за его отношение ко мне, а за его, Денисову, профессиональную несостоятельность.

– Что эта за пра-а-фэсия – юрыст широкава профыля? – ехидствовал папа. – А если бы я был хырург широкава профыля? Что бы я аперыровал? Профыли? Та-агда я был бы пластыческий хырург, а я нейрохырург. Профыль у него, панимаишь!

– Мой Денис – мальчик очень талантливый. Надо ему только немножко помочь, – возмущалась Ядвига. За Дениса она была готова порвать любого. Думаю, изначально предполагалось, что раз уж она, свекровь, принимает в свою семью человека, отчество которого звучит как Аслановна, то этот самый Аслан Ираклиевич уж как-нибудь будет любезен помочь зятю найти свое заслуженное место под солнцем. Но мой папа был несколько другого мнения на этот счет. Он полагал, что обеспечивать семью – это мужская обязанность. Кроме того, он считал, что семья – это святое. А еще – что у него самая лучшая дочь на свете (после старшей, конечно), с чем ни Ядвига, ни Денис согласны не были.

– На что они будут растить ребенка? – трепыхалась Ядвига. – Денис не потянет такого бремени.

– Мужчина должен содержать жену, – порывался сказать мой отец, но я умоляющим взглядом попросила его сдержаться. Папа ушел курить, а мамы, на секунду заключив перемирие, обернулись и посмотрели на меня.

– Куда ты только смотрела, – хором пожурили меня они.

– Я могу пойти к доктору, – робко заикнулась я, после чего выяснилось, что сама по себе идея получить внука к Рождеству всем категорически интересна. И в ответ на мои робкие попытки предложить радикальное решение я была

немедленно закидана камнями.

– Это же живое существо! Ты подумала об этом? – свела брови человечная Ядвига.

А Денис все это время молчал и мрачнел, набирался злости, а под конец с суровым и негодующим видом спросил меня, глядя со всем возможным холодом:

– Ты что, не хочешь от меня ребенка?

– Конечно, хочу, – присела от страха я. Только не хватало, чтобы он на меня разозлился в такой момент. Вот так, таким вот образом, и решилось, что я все-таки буду иметь ребенка. Беременность протекала так себе, меня качало и штормило. Денис все это время старательно делал вид, что все эти чисто женские проблемы – не его мужского ума дело, он лучше даже не будет пытаться лезть и мешать, а лучше сразу пойдет к друзьям на часок-другой, к ужину не ждите.

– Может, ты побудешь со мной? У меня ребеночек пинается, – робко предлагала я, пытаясь привлечь его к процессу таинства человеческого появления на свет. В умных журналах писали, что очень важно приобщить мужчину, вот я и пыталась.

– И что? Ты хочешь, чтобы он начал пинать меня? – с непониманием уточнял Денис.

– Ну… вообще-то это же так здорово! – удивлялась я.

– Да? – ухмылялся он. – Ты любишь, чтобы пинались? Что ж ты молчала, я умею отлично пинаться.

– Дурак! – обижалась я, а он, справедливо решив не принимать мою обиду всерьез, отбывал к друзьям.

В результате рожала я фактически сама с собой, если не считать Ядвигу с ее умными, невыполнимыми советами о гимнастике, айюрведе и обливаниях. И мою маму, которая все девять месяцев прожила на телефоне, выслушивая мои

жалобы и утирая (виртуально, так сказать) мои слезы. Так, пока Денис то искал новую работу, то терял старую, то просто тусовался где-то с друзьями, я родила Соню, искренне надеясь, что хоть после этого наши отношения с Денисом хоть как-то наладятся. Не тут-то было. Хоть Соня появилась на свет хорошенькой, крепенькой девчонкой, однако же разочаровала мужа самим фактом своей принадлежности к худшему полу, слабому и ненадежному.

– Девочка? – с искренним разочарованием переспросил он, когда я сообщила ему об этом, позвонив из роддома. – Впрочем, кто бы сомневался.

– Ты о чем?

– Да так, – витиевато отмахнулся он, намекая, что от меня-то он ничего другого и не ждал.

– Между прочим, пол ребенка зависит от отца..

– Да? – с сомнением и недоверием хмыкнул он. – Это тебе твой папочка-доктор сказал?

– Это всем известно.

– Ну, не знаю, – отмахнулся он.

Дома, когда все без исключения бабушки и дедушки ворковали над Сонькиной кроваткой, Денис заглянул всего пару раз через плечо, сказал, что она как-то совсем на него не похожа, но соизволил все-таки пару раз покачать девочку на ручках, чтобы Ядвига смогла сделать соответствующие фотографии для семейного альбома. На этом его участие в воспитании было окончено, он отбыл в кухню, чтобы выпить чего-нибудь расслабляющего. От этого крика у меня разболелась голова.

– Слушай, а она может не кричать? – уточнил он с такой безнадегой в голосе, что я должна была понять, что теперь я наконец добилась того, чего хотела, – испортила его жизнь окончательно.

Дальнейший, заключительный, год семейной жизни прошел в духе мракобесия и ругани. Сонька давала нам всем прикурить. Она никогда не спала больше чем полчаса. Она плохо ела, но хорошо срыгивала. Ей не нравился Денис, она плакала, если он пытался сделать ей «козу». Хуже того, ей также почему-то не очень нравилась Ядвига, хотя «козу» ей делать она дозволяла. Но в основном она желала только меня, отчего я за тот год иногда не имела времени и сил, чтобы переодеть халат. И все равно, естественно, я все делала не так. Однако закончилось все совсем по другой причине, такой, о которой я никак бы не могла подумать и даже вообразить.

Глава 2

Интересный вопрос!

Думаю, будет справедливо, прежде чем продолжать рассказ о моем странном и беспросветном настоящем, вернуться немного в прошлое и вспомнить ту самую свадьбу, с которой все это безобразие началось. Или даже еще чуть раньше, когда я впервые увидела Дениса во всей красе и упала, как подкошенная, под действием его чар. Стоп, нет. Все не совсем так. Когда я увидела его в первый раз, он хотел поступить в нашу клинику в должности юриста и пришел на собеседование. Я же сидела на стуле в приемной его потенциального работодателя и упасть, конечно же, никуда не могла.

Собственно, есть ли разница в том, как и каким образом мы увидели друг друга впервые? Главное, что в конечном счете я оказалась на своей кухне, с ребенком на руках и в слезах. Да, и с разбитым сердцем, конечно. А тогда… тогда он получил у нас должность, и в течение двух лет мы работали вместе. Два года, полтора из которых я сгорала от страстной и безответной любви. Тем более страстной, чем безответней она была. Мне было тогда… сколько? Где-то двадцать – двадцать два. Он действительно всегда производил неизгладимое впечатление. Серьезное, даже строгое лицо, очень взрослое, хотя на самом деле он был не намного старше меня. На четыре года, но ощущение складывалось, что ему уже за тридцать. Жизненный опыт в каждой черте его красивого лица. Денис действительно был красив, красивее всех, с кем я когда-либо сталкивалась. Высокий, свободный, уверенный в себе, он умел непринужденно носить деловые костюмы и изящно управляться с ножом и вилкой, хотя все

вокруг этим не заморачивались. Одним словом, Денис с самого начала производил впечатление человека очень хорошо воспитанного.

– Здравствуй, Машенька, – улыбался он мне, когда нес на подпись к заведующему какие-то бумаги. – Как ты поживаешь?

– Потихоньку, – таяла я от этой столь неожиданно теплой улыбки на его вечно серьезном лице.

– Что, твой папа все так и не пускает тебя гулять? – ласково усмехался он. Я краснела. Это была старая история, которая портила мне жизнь. Мой папа, хоть и жил в Москве с моей мамой уже бог знает сколько лет, сохранил все-таки какие-то свои, чисто горские принципы и понятия. И за любой из двух своих дочерей смотрел, как за Грановитой палатой.

«Чтоб только хороший человек!» – категорически отрезал он. А это значило, что хороший человек не будет увозить дочь, скажем, на шашлыки на два дня или гулять с ней допоздна. В нашем доме комендантский час всегда был 22:00 и ни минутой позже. Да-да, и это не смешно, потому что если в чем другом из папы получалось веревки вить, то в этом вопросе он оставался совершенно неуправляем и, наверное, при определенных обстоятельствах мог бы… ну, не убить, конечно, но из дому выгнать, к примеру.

– Честь превыше всего, – кричал он, если я пыталась задержаться у подружки позже десяти. Таким образом, папу я сильно боялась и на какие-то первые, весьма условные предложения Дениса (как и всех остальных) пройтись по бульвару я отвечала быстрым испуганным отказом.

– Что ж, хороший у тебя, видимо, папа, – «обрадовал» меня Денис и отчалил тогда, даже не расстроившись. Еще бы, где он и где я. Тыкаю по клавишам, краснею. Нескладная маленькая кулема. У него выбор значительно разнообразнее.

Тут бы задаться вопросом, зачем же я вообще смотрела все те полтора года в его сторону и блаженно закатывала очи. Или зачем я, к примеру, каждый вечер, прикасаясь лицом к подушке, закрывала глаза и представляла себе его суровое, красивое мужское лицо, его уверенный взгляд. Все это было глупостью и молодостью, конечно. Некоторые мечтают о большой и светлой любви, к

примеру, Константина Хабенского. И нет же им дела до того, где они и где Хабенский. Вешают на стену картинку и давай ее любить. Вот примерно так и я. И, как результат, при любом его появлении в моей приемной я таяла и рассыпалась в тысяче искрящихся улыбок. Но вот однажды эта моя дурацкая сопливая любовь приобрела вполне реальные очертания.

– Машенька, как же ты чудесно улыбаешься. – Денис невольно загорался в ответ. – Что ж такое хорошее произошло, что ты так сияешь всегда?

– Я… просто настроение хорошее, – путалась я. – И потом, ты вот зашел. Я рада. А то… я скучаю тут.

– Скучаешь? – усмехался он. – Ну, если бы не твой папа, я бы точно развеял твою скуку. Может, все-таки как-нибудь сходим в кино?

– В кино? – смутилась я. В кино папа мне теоретически ходить не запрещал. Я, конечно, не спрашивала его вот так напрямую, можно ли я схожу в кино с парнем, от одного взгляда на которого я готова бежать на край света. Но, с другой стороны, если я буду дома в десять, какое кому дело?

– Ну, так что? – выжидающе, хищно улыбался он. И я решилась.

– Пойду, если ты приглашаешь, – ответила я, и все началось. Страстные поцелуи в кинотеатрах, мои слезы счастья, его ласковые смешки, что более чувствительной девушки у него еще никогда не было. Из чего можно было легко понять, что девушек у него имелось хоть отбавляй. Поэтому то, что он вдруг непонятно почему обратил внимание на меня, оказывалось лестно вдвойне и кружило голову так, что я временами сходила с ума от счастья и страха, что все это кончится. Что «это»? Наши прогулки в обед, поцелуи, объятия, ожидания звонков. Его внимание, его улыбки. Его любовь, такая ненадежная в нашем мире, в нашем городе, набитом до отказа красивыми и умными девушками, гораздо круче меня. Мы расходились за полгода два раза. Оба раза по его инициативе, оба раза с моими слезами и звонками. И его словами, что отношения со мной для него слишком сложны. Моими клятвами в любви и обещаниями исправиться (знать бы только еще в чем), моими слезами на плече подружки Люськи. И сжиганием фотографий. Но оба раза он возвращался в самый неожиданный момент и великодушно прощал меня.

– Дочка, может быть, лучше вам с ним все-таки расстаться? – спросила меня мама, когда после второго разрыва он вдруг появился снова через месяц, серьезный, злой, и спросил, действительно ли я так его люблю, как говорю.

– Мама, я его люблю! – взмолилась я. – Я жить без него не могу. Он такой один!

– Любовь зла, – пожала плечами мама. Да уж, в моем случае это были не просто слова. После того как я клялась и божилась, что он – самый лучший мужчина на всем белом свете, Денис, серьезный и уже почти не улыбающийся, приехал к нам домой и попросил у отца моей руки.

– Нэ знаю, нэ знаю, – покачал головой папа.

– Аслан Ираклиевич, я люблю вашу дочь, – по-взрослому серьезно и деловито сказал он, отчего у меня даже сердце оборвалось от счастья. – И она любит меня. Неужели вы будете препятствовать? Мы бы могли и так пойти в загс, но Маше необходимо ваше слово.

– А гдэ ты теперь работаешь? – задумчиво спросил папа.

– Папа! – взвизгнула я от возмущения. – Ну какое это имеет значение?

– А гдэ вы будэте жить?

– У меня, конечно, – моментально отреагировал Денис, что, я думаю, сразу поставило точку в папиных колебаниях. Конечно, я бы все равно его уломала, так я мечтала стать женой самого Дениса Жданова. Меня на самом деле остановить было невозможно, так что папа долго бы не сопротивлялся. Но идея, что я уеду жить к мужу, моментально отозвалась радостью в сердце моей старшей сестры Нины, и она вмешалась:

– Папа, ты должен их благословить. Ты что, не видишь, как она его любит! – вскричала сестрица, и я посмотрела на нее с благодарностью, хотя и понимала все ее аргументы. Жили мы у нас на Ярославке хоть и дружно, но весьма тесно, в трехкомнатной квартире умещались мама, папа, моя старшая сестра с мужем и сыном трех лет, а также два кота – один сын другого, именуемые Бивисом и Батхедом с легкой руки Нинкиного мужа Юрика. А если учесть, что одна из трех

комнат была проходной, то внезапное высвобождение самой маленькой, но изолированной комнаты, где обитала я, открывало такие для Нины перспективы, вследствие которых она моментально стала одобрять наш брак.

– Ох и намучаешься ты с ним, – заверила меня мама, причем кажется, что я уже тогда начинала понимать, что так и будет.

Но так или иначе, благословили нас, отправили в загс, где мы подали заявления. Я, правда, хотела взять фамилию мужа, стать Ждановой, но он сказал:

– Зачем это тебе? Столько документов менять. – И я осталась Киселевой. Я каждую минуту боялась, что он вообще отменит всю затею, так что мне было все равно, Киселевой стать его женой – или нет. Лишь бы стать.

Свадьба наша была событием весьма забавным. Мой папа оплатил хороший грузинский ресторан, белое платье, сшитое по моей, как я уже говорила, совершенно нестандартной фигуре, и нашу свадебную Турцию, четыре крепких звезды. Денис обошелся тем, что заказал кольца, да и то после того, как его мама разрешила ему переплавить ее старое обручальное кольцо, единственное, что осталось от того подлеца, что бросил ее с ребенком на руках.

Гости со стороны невесты, то есть с моей стороны, все хором не одобряли. Разве только свидетельница моя, Люська, похлопав меня по белоснежному плечу, сказала:

– Зато теперь ты будешь свободна.

– Я буду замужем, – ответила я.

– Ну да, ну да, – скептически кивнула она и подписалась в книге.

Остальные же поздравляли нас как-то жиденько, без энтузиазма. Папа сидел молча и даже не говорил никаких тостов, так ему не нравился жених. По его мнению, мужчина должен носить женщину на руках. Он так делал всю жизнь, и, как говорит моя мама, она иногда даже хотела бы чуть-чуть чаще стоять на земле. Денис меня на руках носить не собирался. Даже на свадьбе он довольно зло говорил, что я не должна себя так вести, а должна как-то иначе. Уже тогда

он принялся за мое воспитание, которое, по их с Ядвигой мнению, весьма хромало. Так что половина жениха одобряла происходящее еще меньше. Они ковырялись в закусках, косились на моего папу, прикидывая, имеет ли он какие-то связи с «Аль Каидой» или нет, невразумительно кричали «горько» и резали торты. В общем, как ты лодку назовешь, так она и поплывет. Наша лодка могла бы называться «Зачем им это надо?». Именно эту мысль можно было прочесть в глазах любого гостя на нашей свадьбе.

Так началась моя семейная жизнь, так она протекала, и тем не менее я была счастлива. Я понимала, что сама по себе звезд с неба не хватаю, сижу себе в приемной, примус починяю, никому особенно не интересная. А тут такой мужчина, ради которого можно, в общем-то, и потерпеть. Поэтому его довольно-таки слабо выраженный отцовский инстинкт я решила тоже переносить как еще одну особенность его, к слову сказать, весьма сложного характера. Я старалась, чтобы ребенок не досаждал ему, как и я. Мы жили немножко, пожалуй, параллельной жизнью. Я с ребенком – кормлениями, купаниями, пеленками, спорами с Ядвигой о том, надо или не надо пеленки гладить, если они были выстираны на программе «девяносто пять градусов».

– Все равно надо стерилизовать!

– Но они уже стерильны. Их практически прокипятили!

– Вода закипает при ста градусах. Сразу видно, что ты в школе плохо училась, – свекровь бросила в меня еще один камень. Да уж, школа-школа, мой самый страшный сон. Учеба – это уж точно не мое. И вообще, про моего папу часто говорили, что он гениальный хирург. А на детях гениев природа отдыхает. На мне – точно. – Что за невестка! – возмущалась свекровь. – Вечно ты со мной споришь.

– Ладно, я поглажу, – сдавалась, как и всегда, я.

– Ну вот, доигрались. Все орешь. Опять она проснулась не вовремя. Никакого режима! – свекровь всплеснула руками.

– Да, режим, между прочим, это обязательно, – назидательно влез Денис. – Почему она не спит? Почему ты ее не укачала? Ты не выполняешь свои обязанности.

– Я отошла, чтобы разогреть тебе ужин, ты же не ешь после семи.

– Ты же жена, ты должна все успевать. Опять я должен тебя учить?

– Прости! Пожалуйста, прости, я так закрутилась! – запаниковала я, видя его спокойное холодное лицо. Вот Сонька, не могла поспать хоть чуть подольше! Особенно теперь, когда он такой нервный, а я постоянно веду себя как дура и все время его раздражаю.

– Закрутилась? И что? Ты же ведь замужем, значит, у тебя есть определенные обязанности. Я не должен об этом думать, я должен прийти домой и отдыхать после работы. И что теперь, может, мне самому ужин греть?

– Иди, сыночек, посиди пять минут, – откуда ни возьмись, образовалась Ядвига. – Я все разогрею.

– Мам, не надо. Это она должна… ты и так устала. У тебя давление, – возразил Денис, презрительно глядя на меня. После рождения Соньки наши отношения явно лучше не стали.

– Да, Ядвига Яковлевна, я сама все разогрею.

– Все равно все у тебя сгорит, – пожала плечами она. И добавила: – Кстати, у тебя там ребенок опять заливается.

Из нашей комнаты действительно доносилось какое-то подозрительное бухтение. Соня готовилась устроить очередную истерику.

– Успокой ее. Это просто невыносимо! Господи, почему у тебя ребенок все время орет? У других дети как дети, спят, едят, а у тебя она все время кричит? – взвизгнул он.

– Это действительно странно, – поддержала его Ядвига. – Ты никогда так себя не вел. Ты был спокойным, спал, кушал, все по режиму.

– Ну, может, это в меня, – принялась оправдываться я. Все те дети, с которыми я была знакома лично, точно так же орали. Но я же не бог весть какая мамаша. Что я о детях-то знаю. Если верить Ядвиге, которая вырастила своими крепкими руками с хорошим маникюром такого прекрасного – умного и красивого – сына, то я делаю все неправильно.

– Да уж, не в тебя Сонечка, да, – глянула на Дениса Ядвига. – И глазки не твои, а голубые.

– Как у меня, – пожала плечами я. Что за дурацкая привычка – рассматривать ребенка под микроскопом.

– Я ничего не говорю. Просто у моего мужа, который оставил меня одну с сыном, тоже были голубые глаза, а вот у Данечки карие. Против карих голубые не удерживаются.

– Не знаю. По-разному бывает же, – возразила я.

– Бывает, – кивнула свекровь со вздохом. Воспоминания о том вероломном предателе всегда портили ей настроение, хотя вспоминала она его по три раза на дню. И все же теперь я была виновата еще и в том, что напомнила ей про бывшего мужа.

– Ты зачем расстраиваешь маму? – накричал на меня Денис, пока я пыталась как-то утрясти вопрос с Соней, причем утрясти в самом что ни на есть буквальном смысле. Я трясла ее и качала, чтобы она замолчала, но она упиралась и орала, как заведенная, пока я не смирилась и из моего заляпанного всем, чем можно, от пюре до вазелина, халата не достала грудь, к которой Сонька моментально счастливо присосалась.

– Ей сейчас не время есть, – вставила Ядвига.

– Ты почему не делаешь то, что тебе говорят? – еще больше разозлился Денис.

– Но она… она же не спала. Она была голодной, видишь, как набросилась!

– Может быть, лучше просто слушать умных людей? Видишь, она теперь какая?

– Сынок, – подскочила Ядвига. – Ну не надо так уж. Надо быть человечнее. Она же не может стать мной!

– Это уж точно, – взмахнул рукой Денис в бессилии.

– А ребеночек такой, может, потому, что темперамент. Знаешь, кавказские корни же просто так никуда не денутся! – аккуратно вставила она, после чего взбесилась уже я. В конце концов, дался им мой папа! Чего он им плохого-то сделал? Только разве что свадьбу оплатил и Турцию. И теперь тоже деньги дает.

– Так ты меня что, деньгами попрекаешь? – перешел на визг Денис. Я моментально пожалела, что вообще коснулась этой темы.

– Я тебя не попрекаю, – моментально сдала назад я.

– Нет, ты попрекаешь. Ты сидишь на моей шее, в моем доме, я терплю все твои номера, а ты меня попрекаешь? – голос пошел на взлет, а сам он – на меня, сводя по дороге брови.

– Ты все не так понял. Я просто не хотела…

– Ты просто эгоистка! Сидишь тут, как курица, на всем готовом и даже не можешь ребенка по часам покормить.

– Денис! – Но он уже ушел в мамину комнату, оставив меня одну. Я стояла посреди кухни, с Сонькой на руках, в драном халате, и вдруг всей своей душой почувствовала, как что-то в этот момент пошло не так. Правда, положа руку на сердце, никак нельзя сказать, что до этого у нас хоть что-нибудь шло правильно. Но тут…

Денис переночевал у мамы в комнате, передав через нее, что он не в силах выносить детские крики, что он разбит и плохо себя чувствует. К тому же не ужинал. А весь следующий день, выходной, Денис ходил будто мимо меня, коротко отвечал на все мои вопросы и делал задумчивое лицо. И только к вечеру, когда я уже совершенно извелась и криком потребовала, чтобы он объяснился, он соизволил хоть что-то мне сказать. Но лучше бы я его и не спрашивала.

– Маша, знаешь, я слишком устал выносить тебя. Ты просто совсем распоясалась. Творишь сама не знаешь что. Ты маме должна ноги целовать, а не спорить с ней. Мы тебя приняли, терпим, хоть я и сомневался в этой затее.

– Разве? – обиделась я. – А когда ты меня замуж звал, говорил, что любишь.

– Это ты меня заманила, заставила жениться, – неожиданно выдал он, заставив меня стоять с открытым ртом и удивляться. Да, мы не очень хорошо жили с ним, у нас были определенные разногласия. Все его знакомые, особенно мама, считали, что я недостаточно хороша для него. Возможно, что это и так на самом деле. Но – но я никогда его ни к чему не принуждала. Что это за бред?!

– Я никогда тебя не заставляла на мне жениться! – очень твердо сказала я, глядя Денису в глаза.

– А как же все эти твои крики: люблю, не могу жить без тебя?! – припомнил мне он.

– Я люблю тебя. Да, это правда. Я люблю тебя и сейчас, – подтвердила я. – Но я никогда не заставляла тебя жениться.

– Нам надо расстаться, – угрюмо буркнул он. – Если бы я знал, что ты такая, – я бы никогда…

– Что? Я не понимаю. Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что мне нужно понять, как нам быть со всем этим дальше. То, что у нас есть, – это не семья. Это кошмар какой-то! – он произнес это так патетично, что я вдруг испугалась. Мне вдруг показалось, что он и в самом деле говорит серьезно.

– Как это не семья? А как же Соня? Мы живем, надо просто как-то договориться. Я тоже не права, – на всякий случай призналась я. Правда, на этот раз я пока не поняла, в чем. Но можно было не сомневаться, что Денис сможет мне это разъяснить.

– Не о чем нам пока договариваться. Я больше не могу. Я даже с работы домой не хочу ехать, как подумаю, что тут ты будешь опять свои номера откалывать.

– Какие номера? Ну какие? – запаниковала я. Тут Денис замолчал, закрыл лицо руками и как-то патетично застыл. – Прости меня. Я исправлюсь. Я буду делать все, что скажет твоя мама! Подожди! – глупо залепетала я.

– Только не надо опять устраивать сцен. Маша, так будет лучше. Ты уже выпила из меня все соки.

– Господи, да что же я такое сделала? – ахнула я. Неужели это так подействовал на него неразогретый ужин?

– Я отвезу тебя домой, – деловито заявил он, и по его лицу было понятно, что он считает это дело уже решенным, выясненным до конца и проясненным во всех углах и поворотах.

– Нет! – крикнула я, пытаясь собраться с мыслями. Мысли путались и выдавали какую-то ерунду. Хотелось реветь, но я знала, что слезы приводят Дениса в полнейшее бешенство. К тому же и без меня Сонька выдавала достаточно слез.

– Собирайся, – зло бросил мне Денис, доставая сверху чемодан. Я в изумлении смотрела, как он самолично вытряхивает из шкафа вещи – не только мои, но и Сонькины. Бутылочки, соски, памперсы…

– Это просто какой-то бред, – прошептала я. – Я никуда не поеду.

– Поедешь, – зло бросил мне он. – Или ты думала, я буду растить тут неизвестно чьего ребенка? Нет уж, дорогая, ни за что.

Честно говоря, если я и хотела что-то у него еще спросить, то в этот момент я совершенно онемела и просто застыла на месте, как соляной столп. Поразительно, как пара брошенных Ядвигой слов, обычных, в общем-то, и банальных, моментально упали на благодатную почву. Он что, поверил? Что это за фигня? Я была настолько потрясена так быстро и здорово проведенной генетической экспертизой, так сказать, в домашних условиях – по глазам и крику, что сказать мне больше было нечего. Я молча вырвала у него чемодан,

сложила вещи, села в машину – и, собственно, вот так и получилось, что через почти два года супружеской жизни я образовалась на пороге собственного отчего дома под Рождество, с годовалым ребенком на руках, с чемоданом пеленок, с коляской и собственными вещами, судорожно засунутыми в чемодан.

– Что такое? – ахнула мама, никак не ожидая увидеть за дверью меня. Сонька спала на этот раз как ангел. Я не позвонила маме, что приеду, до последнего момента я не верила, что Денис действительно сделает это, высадит меня с нашей дочкой и уедет. Я все надеялась, что он передумает, образумится, что хоть этот чертов инстинкт как-то проявит себя… Но он вытащил мои вещи, помог загрузить их в лифт и укатил на своей «восьмерке», даже не обернувшись.

Глава 3

Ходоки

Итак, приехали. Что и говорить, отличный итог семейного счастья. В колонке анкеты в пункте «семейное положение» теперь можно смело писать «безвыходное». Я сижу снова в нашей многострадальной и совсем не резиновой квартирке на Ярославке и игнорирую злобные взгляды Нинки. Оно и понятно, ведь после двух лет безоблачного счастья жизнь в одной комнате с собственным мужем и ребенком Вениамином, разбойником пяти лет, совсем не входила в ее планы. А если считать еще и котов… В общем, первая ее реакция на мое появление оказалась сугубо отрицательной.

– Что ты наделала? – возопила она. – Неужели нельзя было держать себя в руках!

– Что ты имеешь в виду? – сощурилась я.

– В кои-то веки сподобилась выйти замуж – и что? Ты всегда была ни на что не годной, – брызгала ядом она.

– Отстань от Марии! – отгоняла ее от меня мама. – На себя лучше посмотри. За кого ты замуж-то вышла? Хоть бы уже съехала от нас, на что тебе муж, если он

даже квартиру тебе снять не может!

– Мама! Ты же знаешь, какое сложное у Юры положение, – обижалась Нина и пускалась реветь у себя в комнате, предварительно хлопнув дверью.

– Мам, чего она меня так ненавидит? – рыдала я, обливая реками слез свой старый диван. Мама прижимала меня к груди, а свободной рукой пыталась удержать на месте папу, который порывался пойти и прирезать этого подлеца.

– Как он мог! Он что, считает, что у маей дочэри нэт чести?! – кипел папа, сметая углы и опрокидывая стулья. – Да я ему покажу, у кого нэт чести!

– Подожди, папа, а вдруг у него были основания? – высовывалась из комнаты вроде бы ушедшая к себе, но все же активно подслушивающая Нинка. – Вдруг наша Маша и правда… ну, ему изменила?

– Что? Да как ты можешь так гаварить! – возопил папочка, но на всякий случай пронзил меня рентгеновскими лучами отцовского вопрошающего взора. Что и говорить, вопросы чести в нашем доме всегда охранялись так люто, как будто мы жили не в двадцать первом веке в Москве, а где-то в Средневековье.

– Даже не начинай, – всхлипнула я и уткнулась в мамино плечо.

Примерно так все и было, по крайней мере в первую неделю после моего позорного возвращения домой. Все ссорились, ругались, Нинкин сын Вениамин активно пытался подружиться с Софией, несмотря на разницу в возрасте, а София в свою очередь экспериментировала на кошках, пыталась оторвать хвосты у Бивиса и Батхеда, за что в первые же дни была исцарапана. По утрам все мы выстраивались в очередь перед ванной и туалетом; матерясь под нос, мужчины (папа и Юрик) пытались вытравить из ванны женщин – Нину, как правило, ибо мне не то что ухаживать за собой, даже умываться не хотелось. Я сидела на диване и безразлично смотрела в окно, стараясь думать как можно меньше и о как можно менее значительных вещах. Мама металась между всеми нами, стараясь восстановить мир и покой, а также пытаясь хоть чем-то меня покормить. Есть мне тоже не хотелось, как, впрочем, и ничего вообще. Впервые в жизни мне не хотелось ничего. Странное, кстати, чувство.

Помню, когда мы с Денисом только еще женихались, вернее сказать, когда я еще только сохла по нему, а он почти меня не замечал, я тоже, бывало, страдала. Даже ночами не спала, особенно когда он сообщал мне, что я все-таки не подхожу ему духовно и физически и он принял решение, что нам лучше расстаться. Я рыдала, я смотрела на его фотографию и молила Бога, чтобы случилось чудо и он сменил гнев на милость, вернул мне моего Дениса, без которого я жить не могу. Когда он уходил, мне казалось, что мир перевернулся, что моя собственная жизнь не имеет никакого смысла. Но то было тогда – в прошлом, когда мы еще не поженились и все было так несерьезно, так по-детски, а сейчас – я чувствовала такую боль, что даже на мольбы не оставалось сил. Проснувшись в первый раз в своей старой комнате, я вдруг явственно услышала очень простую и громкую мысль: если бы Денис меня любил, он бы не поступил так со мной. А это значит, что… неужели мой муж, с которым связана вся моя жизнь, мой первый мужчина, которого я так сильно любила и так терпеливо ждала, неужели он меня просто не любит? Совсем, ни капельки. От этой мысли у меня отшибло не только аппетит. Исчезло само желание просыпаться по утрам. Да, и кстати, вдобавок к этому пропало молоко, отчего проблем только прибавилось, ибо Софья требовательно расстегивала на мне халат и проявляла крайнее недовольство в связи с бесполезностью этой процедуры.

– Доченька, ты должна что-то покушать, – увещевала меня мама.

– Я покушаю. Потом, – отвечала ей я и снова утыкалась в потолок.

Так прошло недели две. Жизнь входила в русло, но лодку изрядно потряхивало. Денис Александрович не объявлялся. Это вызывало определенные вопросы, настораживало, заставляло меня по ночам сжиматься в комок. Я всеми силами старалась делать вид, что ничего не происходит. Живу себе и живу, никого не трогаю. Но даже я понимала, что так долго продолжаться не может, не должно. И вот, в начале третьей недели, начались визиты. Сначала заявилась свекровь. Человечнейшая Ядвига Яковлевна, видимо, чувствуя некоторым образом и свою вину в произошедшем, так как именно она нечаянно, но вполне успешно заронила в Денисе зерна сомнения в собственном отцовстве, пришла с конфетами и большой громыхучей погремушкой, от которой у кого угодно могла разболеться голова.

– Ты как?

– Отлично, – кривенько улыбнулась я. – Все просто прекрасно. Я счастлива.

– Понимаешь, надо же что-то делать, – с недоумением смотрела на меня она. – Я, конечно, Дениса не оправдываю, но…

– Но? – подняла бровь я.

– Знаешь, может быть, ты… ну…

– Что? – заинтересовалась я.

– Сейчас же есть такие тесты специальные. Можно все установить точно. И он не будет сомневаться, – свекровь говорила, опустив глаза и краснея.

– Это он вас попросил? Это его идея? – спросила я. – Ему нужны доказательства?

– Нет, что ты. Он вообще ничего не говорит. Но ты понимаешь, все-таки надо же быть людьми. Ведь была же семья, надо же все сделать, чтобы ее сохранить. Сонечку же жалко.

– А если она не его? – полюбопытствовала я. Свекровь помрачнела.

– Это правда? То есть… это возможно?

– Нет, это невозможно. Но Денису, я думаю, это совершенно безразлично. Ему просто надо было от нас отделаться, – зло бросила я. – Он просто нас не любит. Меня не любит.

– Это не так, – возразила свекровь. – Он тоже страдает.

– Да? И в чем же это выражается?

– Ну… – затруднилась с ответом свекровь.

Тут мама позвала нас пить чай, и разговор как-то сам собой перетек на Соню, на мое пропавшее молоко, на то, что надо ей делать прививку, а как ее делать,

если поликлиника у нас там, в Алтуфьеве, а мы тут, на Ярославке. И что у Сони, кажется, аллергия на молочную смесь. И что я с ней мало гуляю, что, признаться, было не совсем правдой, потому что я с Соней не гуляла вообще. Настроение не располагало, да и за окном стояла зима, морозы. Ничто не располагало трястись от озноба, толкая перед собой коляску. Мне и без того было холодно и плохо.

После визита свекрови мне позвонил друг Дениса Алексей. Он долго делал вид, что он звонит просто так, по собственной инициативе, но потом все-таки сдался и сказал, что он просто в ужасе от того, что Денис вот так поступает, и хочет сказать, что если от него, от Алексея, будет зависеть хоть что-то, то он обязательно постарается повлиять на Дениса.

– Спасибо, конечно. Как ты собираешься на него влиять? Мне тут уже предложили сделать генетический анализ. Может, я и сделаю, – поделилась я.

– Может быть, это что-то и изменит, – все-таки предположил он.

– Ты тоже думаешь, что он выставил нас из дому, потому что действительно сомневается в том, кто Сонькин отец?

– Он, по крайней мере, именно так и говорит. И то, что ты очень изменилась, что совсем не этого он ожидал.

– Что? А чего он ожидал? – удивилась я.

– Не знаю. Нет, ничего не могу сказать, – заюлил Алексей. На том мы и попрощались. Потом еще звонил Яков Львович, благородный отец человечной Ядвиги, звонил только затем, чтобы сказать: он уверен, что все образуется, и мне надо сделать все-таки эту экспертизу, раз уж у него внук – такой болван упертый. Со мной говорило много разных людей, в том числе какая-то странная женщина, представившаяся психологом от Ядвиги Яковлевны. Она пообещала решить все мои проблемы и долго спрашивала про то, как мама меня рожала. Долго ли, коротко ли, не было ли каких родовых травм.

– А зачем это? – не поняла я, но психологиня сказала, что все это очень важно, что-то приплела про карму и сообщила, что сеансы с ней стоят по тысяче рублей.

– Звоните сразу, как надумаете. Мы вернем вам мужа, – пообещала она, и от одних этих слов мне захотелось броситься проплатить сразу сеансов так сорок. Чтобы вернуть мужа, я была готова на все. Но, правда, не могу сказать, чтобы я как-то ей поверила. Все же генетический анализ представлялся мне средством куда более действенным, хоть и довольно унизительным для меня. Таким образом, поток желающих помочь молодой семье в кризисе (все решили именовать произошедшее именно так) начал иссякать и завершился на моей лучшей и любимой подруге Люське, по которой я уже совсем истосковалась. Привыкла я как-то за всю жизнь плакать именно на ее плече. Людмила была девушкой самостоятельной, уверенной в себе. Она работала в финансовом отделе большой компании, торгующей автомобилями, очень искусно материлась, когда ее кто-то подрезал на дороге, курила тонкие сигаретки с ментолом и вообще знала жизнь куда лучше, чем я. Когда мы были маленькими, доходило даже до того, что папа пытался запретить мне с Люськой дружить. Она начала курить, когда поступила в институт. У нее еще в школе был бойфренд со всеми вытекающими отсюда поцелуями и потерями невинности, пока родители на даче. Папа никогда не одобрял ее, а я только на ней, можно сказать, и держалась. Она, как глоток свежего беспокойного ветра, всегда оживляла мою жизнь. И вот она приехала наконец из отпуска, накатавшись на лыжах где-то в Финляндии. С удивлением обнаружив по возвращении меня в невменяемом состоянии, в апатии, прямо у себя под носом, она обрадовалась и немедленно вознамерилась меня спасти. Как всегда.

– Тебе следует понять, что это не ты должна бегать за ним, а он за тобой. Ты что, в своем уме – так убиваться? Не стоит этого ни один мужик, – бодрым голосом внушала она, всматриваясь в мое лицо.

– Знаешь, как я тебе рада! – жалко улыбалась я, остро вдруг почувствовав, как не соответствую я ни ее силе, ни миру, в котором она живет. Вместе с ней в мою маленькую, пропахшую детскими смесями комнату ворвался кусочек свободы, и теперь ему было неуютно и тесно здесь.

– Она мне рада! – фыркнула Люська, впрочем, довольная. – Еще бы. Все тебе тут мозги накрутили или еще нет?

– Все, – кивнула я.

– И какие планы?

– Ты не знаешь, где делают генетическую экспертизу? – поделилась планами я. Люська от возмущения открыла рот и забыла его закрыть. Я продолжила, пока она не пришла в себя и не смешала меня с грязью. – Люсь, я ничего не могу с собой поделать. И не хочу по нему убиваться, хочу, знаешь, как-то прийти в себя, освободиться, снова зажить, но не могу, никак, и все. Не получается ничего. Как подумаю, что между нами все кончено, так хочется волком выть. Я люблю его.

– Как все запущено, – всплеснула руками Люська, справившись с собой.

– Я хочу сделать эту экспертизу, – жалобно кивнула я. – Ты мне поможешь?

– Лучше бы ты себе маникюр сделала! – укоризненно кольнула она. – Ты себя в зеркало давно видела?

– Маникюр мне не поможет.

– Почему? – возмутилась она.

– Да потому! Посмотри на меня, – всхлипнула я. – Я хоть с маникюром, хоть без красавицей не стану.

– Но не в этом же дело!

– А в чем?

– Надо же как-то порадовать себя, – нерешительно добавила она, глядя на то, как я реву, а слезы катятся по щекам.

– Я не могу без него. Я люблю его.

– Господи, что ж такое! Ладно-ладно, я не против. Хочешь экспертизу – будет тебе экспертиза. Я все узнаю, если ты выполнишь одно мое условие. – Люська хлопнула в ладоши и с хитрой улыбкой осмотрела меня с головы до ног.

– Какое условие? – насторожилась я.

– Очень простое. Ну-ка, вставай, – скомандовала она и дернула меня за рукав халата.

– Зачем?

– Пойдем со мной. – Она потащила меня куда-то через мамину комнату, мимо Нинки, с укором глядящей на нас из-за своей двери.

– Опять что-то затеяли! – фыркнула она. – Вечно эта Люська.

– Привет, Нинуль, – хмыкнула Люська и подмигнула мне. Ей уж точно сам черт не страшен, куда там моей сестре. – Ну-ка брысь, – шикнула она на Батхеда, застрявшего в дверях ванной.

– И что ты хочешь от меня? Окатишь холодной водой? – испугалась я. Людмилка выглядела весьма решительно.

– Давай смотри, – сказала она и кивнула куда-то в сторону. Я оглянулась и уперлась взглядом в себя.

– Ой! – вздрогнула я.

– Нравится?

– Не очень, – призналась я шепотом и попыталась отвернуться.

– Не-а, смотри внимательно. Что ты там видишь? – спросила Люська, как натуральный гестаповец.

Из нашего зеркала, которое, как назло, было достаточно большим, на меня исподлобья испуганно смотрела особа женского полу со взъерошенными тусклыми серыми волосами, к тому же жирными и давно не мытыми. Бледное лицо выгодно оттеняли густые синяки под глазами, голубыми, но какими-то потускневшими и оплывшими от бесконечных слез.

– Может, хватит? – жалобно попросила я.

– Нет, ты обрати внимание, в чем ты.

– Но я же дома, – попыталась защититься я. – Я же в печали.

– И что? Чем ты заляпала этот халат? Как давно на нем эти дырки? И куда ты дела пуговицы? Ведь ты же всегда была аккуратистка? Что с тобой произошло? И как давно? Эти три недели?

– Ну… да, – неуверенно сказала я, вдруг осознав, что это не так. Как давно я стала такой? Сухие губы, сухая от мороза кожа, а я даже не помню, где мой крем. Я поправилась после родов, я не влезаю ни в какую одежду, да и до родов со мной что-то было не так. Денис постоянно говорит, что я одеваюсь просто ужасно, так оно и было. Да что там, так оно и есть!

– Или больше? Ты что же, дорогая моя, так себя запустила?

– Может быть, он из-за этого меня бросил? – предположила я. – Я так старалась, но… у меня просто нет сил. Я ничего не могу.

– Ну ты и дура. При чем тут он? Ты сама-то себе как, нравишься?

– Да что ты. Нет, конечно, – вытаращилась я. Мысль, что я могу нравиться себе, меня несколько даже насмешила. Ведь ясно же, что я самый нелепый и никудышный представитель женского рода, а если внимательно посмотреть в зеркало, то явно еще и испорченный. Полный ужас, как тут можно нравиться. Хоть бы даже и себе.

– Ты очень изменилась.

– Что же мне делать? – Я снова почувствовала, что сейчас расплачусь.

– О, только не это, – нахмурилась Люська. – Поехали-ка ко мне.

– Но как же Сонька? – растерялась я. Однако, если за дело берется Людмила, проблемы решаются сами собой.

– Что, у меня дома одному ребенку не поползать? – удивилась она. – Возьмем с собой.

– Ладно, – согласилась я. Больше чем за две недели я практически никуда не выходила, только принимала звонки и визиты людей, которые в один голос убеждали меня, что я должна внять мужней просьбе и сделать тест. А также выслушивала мамины и Нинины упреки в том, что с мужем никак нельзя вести себя так, как это делаю я. Мама полоскала мне мозги, желая мне добра, Нина – стремясь добиться, чтобы я убралась опять из нашего дома. Собственно говоря, Люся тоже явно собиралась промывать мне мозги, но в ее исполнении я этого, пожалуй, даже хотела.

– Ты когда вернешься? – спросила меня мама, с неодобрением глядя, как я неловко и неуклюже собираю Сонькины пожитки.

– Ну… – затруднилась с ответом я.

– Вернется, теть Свет. Когда время придет. Она ведь уже взрослая девочка, верно? А если что, вы всегда знаете, куда ей позвонить, – отбрила Люся, оставив мою маму стоять с раскрытым ртом.

Вот за это я и любила Люсю, всю жизнь она раздвигала мои пределы дозволенного, показывая мне мир, от которого в моей семейке меня всегда старались напрочь оградить.

– Что скажешь? – смеясь, спросила меня Люська, семеня по снежной дорожке. – Стоит же все-таки хоть иногда выбираться из дома?

– Это точно, – улыбнулась я. И через несколько минут мы отряхивали сапоги, она – красивые, модные, я старые, нечищеные, отчего снова почувствовала укол стыда, в ее прихожей. В самом деле, что это со мной? Я никогда не была такой, меня такой не растили. Откуда этот дикий упадок сил?

– Итак, – ухмыльнулась Люська, – во-первых, поедим.

– Я не хочу.

– Кто тебя спросит, – пожала плечами она. – Будешь есть как миленькая. Моя мамашка тут пироги к моему прилету навертела, что ж им пропадать, что ли?

– Пироги – это хорошо, – согласилась я.

– А во-вторых что? Надо выпить. Дома тебе хоть кто-то додумался стопку налить?

– Что ты! – усмехнулась я. – Как можно!

– Да уж, у твоих предков не забалуешь. Сейчас организуем. – И Люська развила бешеную активность, к которой подключила свою, как она говорила, мамашку, с которой они жили такой вот маленькой семьей. Отец Люськин бросил их, когда ей еще не было и пяти лет. Ушел к другой. Впрочем, иногда он с дочерью видится, деньги сует, но она не берет, смеется и говорит, что с ее работой она сама может ему помочь, сделать прибавку к пенсии. А он пусть лучше бы машину поменял наконец, сколько можно на такой помойке ездить. Она бы ему и скидку сделала, по-родственному. Но это Люська все больше прикалывается. Папа ее ездит на чем-то исключительно отечественном, произведенном в СССР, и машины из Люськиного салона ему уж точно не по карману.

А мамашку Люська любит больше всех. И мамашка у нее мировая, тетя Шура – тишайшая, ходит вокруг Люськи, не надышится, пироги печет, стирает, костюмы ей деловые наглаживает. А сейчас вокруг стола бегает, радостная, что дочка разлюбезная вернулась с лыж своих окаянных, целая и невредимая, ног не поломала на этих горах.

– Теть Шур, Люсь, куда вы так разогнались, – пыталась остановить их я, но было бесполезно. Стол покрылся колбасами и пирогами.

– Марусечка, что ж ты такая бледная? Сонечка спать не дает? Ох-ох, – запричитала Люськина мамашка. – Эх, девочки.

– Девочкам треба выпить, мам. Ты с нами?

– Ну, стопочку давай. Марусечка, может, тебе супчику? – суетилась тетя Шура.

– Нет, теть Шур, спасибо. Я не голодна.

– Ну, вздрогнули, – скомандовала Люся, и мы вздрогнули. Жар обжег горло и моментально распространился внутрь, обжег огнем, перехватив дыхание. Вообще-то я пила редко, бокал шампанского на Новый год, немного ликера с девчонками в клинике, если был повод. У Люськи тоже, если что, вина. По сути, это был второй или третий раз, когда я вот так залпом выпивала что-то крепкое, огнедышащее. Но еще раньше, чем дыхание ко мне вернулось, я отчетливо поняла, как Люська была права, что вытащила меня сюда, что влила в меня этого коньяка или что там. И что правильнее всего это повторить.

– Еще? – с пониманием уточнила Люська. – Между первой и второй перерывчик небольшой?

– Вы закусывайте, Машенька, берите колбаску.

– Нет, спасибо, – через еще не потушенный внутри пожар выдохнула я. И потом зачем-то заявила: – И вообще, мне бы похудеть.

– Для чего? Для этого кощея, будь он неладен? – возмутилась Люся. – Для Дениса твоего, что ли?

– Дочь! – дернулась тетя Шура. – Это же обидно!

– Ладно, не буду. Твое дело, но я тебе всегда говорила, не стоит он тебя. Не ценит он того счастья. Ведь вот какая ему баба досталась… Мам, тебе еще налить? – Люська снова наполнила рюмки, чему я, надо признаться, обрадовалась.

– Нет, девочки, вы тут общайтесь, а я пойду, мне там… пошить надо кое-что, – засуетилась тетя Шура, со всем присущим ей тактом понимая, что мешать нам сейчас не стоит.

– Во какая мамашка у меня! – гордо цыкнула Люся. – Просто золото. Ну, за что выпьем? Хочешь, за твое счастье?

– Давай, – кивнула я. – Давай выпьем, чтобы Денис мне поверил.

– Подожди, – помрачнела Люся. – Если бы ты была ему нужна, он бы и так тебе поверил. И вообще, насколько я тебя знаю, это просто абсурд, как ему вообще такое в голову пришло – не его ребенок. У тебя же, кроме него, никого не было.

– Это да, – кивнула я, вздохнув.

Денис действительно оставался моей первой и единственной любовью. Нет, конечно, были какие-то истории. В школе мне нравился один мальчик – Витя, кажется. Он потом уехал на ПМЖ куда-то далеко, так и не узнав о моих чувствах. Еще случалось в институте, правда, не на первых курсах, ибо училась я не очень и курса до третьего все боялась не сдать какой-нибудь зачет или лабораторную, да и вылететь к чертовой матери. Если бы такое произошло, отец бы меня убил. Ну, так я, по крайней мере, думала. Папа мой вообще-то человек мирный, из него хоть веревки вей, хоть на коленках катайся. И есть только пара вещей: семейная честь и вот это «в нашем роду у всех дочерей есть высшее образование» – его пунктики. Не дай бог чего, проблем не оберешься. Так что только на третьем курсе экономического факультета я расслабилась и осмотрелась по сторонам. И узрела одного красавчика с пятого курса, по которому посохла немного, но не сильно. До встреч и прочих телячьих нежностей не дошло. А потом я благополучно сдала сессию, так и не поняв, собственно, зачем мне нужен этот самый диплом. Об экономике я знала мало и все больше всякую ересь, которой понабралась из учебников и лекций. А как все это может на практике применяться – кто ж его знает? Точно не я, домашняя девочка, которую до пятого курса папа с мамой по очереди встречали у метро, чтобы поздно домой не шла. А потом, соответственно, клиника, приемная заведующего, хорошего папиного друга, который вызвался заодно за мной и присмотреть. И, как вы понимаете, Денис Александрович – человек, которого заведующий просто проглядел. Не ожидал такой диверсии со стороны собственного же юротдела.

– Что, вообще никогда и никого? – ахнула Люська.

– Ты же все про меня знаешь! – покраснела я. – Откуда?

– Нет, ну это же ни в какие ворота. И теперь с тебя – с тебя! – экспертизу требуют. Где справедливость? – возмутилась Люська. – Ну, я ему покажу экспертизу. Ну, он у нас попляшет!

– Может, не надо? – испугалась я.

– Ничего не знаю, я его с землей сровняю, – пообещала она, как-то нетвердо наливая в бокалы.

– Я его люблю.

– Дура! – покачала головой она. Я быстро схватила стопку и, пока не начала ни о чем думать, не осознала, как плохо и недостойно себя веду, опрокинула ее внутрь. Перед глазами поплыло. Странный красный огненный шар пронесся перед моими глазами, они наполнились злыми слезами. Я сжала зубы и со всей возможной смелостью, которая в моем случае не была особенно впечатляющей, сказала:

– Я хочу, чтобы он без меня дышать не смог. И вообще, я хочу, чтобы он… меня так же полюбил, как я его.

– А надо, чтобы он хорошенько помучился! – возразила Люська.

Это я оставила без комментариев. Я все-таки любила Дениса и не хотела бы ни при каких условиях, чтобы он мучился. Тем более что даже в самых пьяных мечтах я не могла вообразить, что я могу сделать что-то такое, из-за чего он будет мучиться. Нет у меня никаких таких способов. Сколько помню, все было как раз наоборот, только у него получалось сделать так, чтобы мучилась я. Но у Люськи, после тети-Шуриных пирогов и Люськиных стопочек, конечно, я почувствовала, что мне уже не так уж плохо. В эту минуту, по крайней мере.

Глава 4

Коварный план, или Рисовали на бумаге…

Говорят, что все гениальное – просто. Писать в космосе карандашом, сдуть колеса у «КамАЗа», застрявшего в туннеле, закрашивать стрелку на колготках лаком, чтобы дальше не поползла… Покупать тортики с надписью «низкокалорийный» и уверять всех, что сидишь на диете. В самом деле, чем

проще – тем лучше, зачем затуманивать голову излишними проблемами из серии «если он – тортик – такой низкокалорийный, то почему я такая поправившаяся». На пирогах тети Шуры успокоительных надписей не было, так что за каждый съеденный вечером (на ночь, ай-яй-яй!) пирожок я испытывала с утра угрызения совести. Мало мне без того проблем, так теперь еще килограмма два за вечер я себе лишних обеспечила.

– Глупость! – отрезала Люська, услышав про мои метания. – Вчера тебе было надо. Надо!

– Да?

– Обязательно. Я вообще удивляюсь, как ты эти три недели держалась тут без меня. Ни выпила, ни расслабилась, ни тарелку не разбила об чью-то подходящую голову.

– Надо было об Нинкину. А то она совсем на мою села, – согласилась я, мучительно поднимаясь с кровати. Сонька радостно скакала по матрасу в ожидании кормежки. Чем ее в Люськином доме кормить, я даже и представить себе не могла. Остатками копченой колбасы? Маринованным чесноком?

– Орет?

– А то. Я же на ее территорию вперлась, даже коты теперь к ней вернулись. Бивис-то еще может у мамы пожить, а Батхеда Сонька так за хвосты издергала, что он только у Нинки теперь и отсиживается.

– Ладно, прорвемся. Ты как?

– Пока не знаю, – потянулась я. – Надо ребенку что-то поесть дать. Как ты думаешь, что бы ей придумать?

– Ма-ам! – проорала Люська, совсем как в детстве, таким беспомощным, но по-детски эгоистичным голосом.

– Что, Людок? – через мгновение всунулась в комнату тетя Шура. Вот это сноровка. Вот это материнская забота. Мне до такого как до звезды, Сонька

меня иной раз часами дозваться не может. А когда я, к примеру, в ванне рыдаю, то вообще…

– Ой, ну вот ты опять «Людок»! – возмутилась Люська.

– Ну, прости, – пожала плечами тетя Шура. – Так что? Может, покормить Сонечку? Сонечка, кашку будешь? Бабушкину Шурину кашку? Ага? Ах ты маленькая, ах ты сладенькая!

– Чудеса, – восхитилась я, глядя, как Соня исчезает в дверном проеме, идущая на тети-Шурин голос, как ослик за морковкой. Одной проблемой стало меньше, но остальные остались. Стоило спиртному жару выветриться из моего подсознания, как оно снова заныло, засаднило открытой раной – как же, как же сделать так, чтобы все возвратилось на свои места? Как же вернуть Дениса, как заслужить его любовь?

– Заслужить? Ну ты и дура, – в который раз поразилась Люська, но задумалась над моими словами. – Так ты все-таки хочешь его вернуть?

– А то! – честно призналась я. Как бы я могла жить без него, я не представляла. Я вот уже три недели только и делала, как ждала, когда он разрешит мне вернуться домой.

– Зачем?

– Ну… чтобы…

– Понятно. Ладно, – пожала плечами Люська и горько вздохнула. – Я, конечно, знаю, что тебе делать.

– Что? Экспертизу? – заинтересовалась я.

Идея Люськи была проста, как все гениальное. Правда, я не говорю, что она легка или вообще исполнима, особенно в моем случае, но она предельно проста. Я, кстати, также не утверждаю, что идея ее умна. Подруга решила, что мне надо сначала не экспертизу бросаться делать, а привести себя в порядок. Это я уже перефразирую, потому что Люся сказала об этом так:

– Тебе надо предстать перед ним хоть в каком-то потребном виде. Подлатать фасад и прочее.

– Но я… ведь дело-то не в этом, – слабо защищалась я.

– Вспомни свое отражение в зеркале и скажи мне честно, что ты всерьез полагаешь, что дело не в этом. Да с таким пугалом никто жить не захочет! – возмутилась она.

– Тут ты права, – согласилась я. – Но только что я с этим могу сделать? Если уж я уродилась такой, то остается только принимать все как есть.

– Да что ты! Уродилась ты нормальной, только кто-то тебе по дороге крышечку сдвинул, вот ведь проблема, – отмахнулась Люська и тут же прочитала мне лекцию, общий смысл которой сводился к тому, что не антураж красит женщину, а женщина антураж и что ходить с впалыми щеками и синяками под глазами уже не модно. – Мы не в начале двадцатого века, в конце концов, когда была мода на кокаин, чулки и длинные курительные трубки.

– И что ты предлагаешь? – переспросила я. Оказалось, что речь шла о совершенно определенных вещах: маникюре, педикюре, всяких там процедурах, которые я когда-то очень даже любила. Не в этой, в прошлой жизни, когда еще работала в клинике и жила рядом с Люськой. До замужества, одним словом.

– Кстати, у меня тут в клубе накопились баллы на гостевые визиты, так что одноразовое посещение всех радостей жизни я тебе гарантирую, – порадовала меня она. – Только давай не сегодня, а то у меня голова и так болит, а там еще сауна, массаж, бассейн. Слишком много на простую русскую женщину, перебравшую вчера с самогоном.

– Так это был самогон? – ахнула я. Люська победно кивнула.

– А ты не поняла? Вот ты наивная чукотская девушка. Только я-то тебя плохому и учу, больше некому. Теперь можешь смело всем говорить, что ты пила чистый самогон на рябине. От деда моего, из деревни.

– Об этом я помолчу, пожалуй, – после некоторого размышления ответила я. А подумала о том, что скажет папа, если узнает, что я у Люськи пила самогон. Ой, не погладит он меня по головке. Мысли мои, видимо, были столь прозрачны, что Люська, считав их с моего немного припухшего круглого щекастого лица, нахмурилась и разразилась каскадом упреков в том, что я как была трусиха бесхребетная, так и осталась, ничто меня не исправит.

– Тебе двадцать пять лет, у тебя дочь. Тебя муж выгнал, и я тебя дома нашла в халате с пятнами от детского пюре. С дырками под мышками. И ты хочешь сказать, что тебе важно, что скажет папа?

– Ладно, ты права. Значит, теперь мне положено гордиться, что я пью самогон? – ухмыльнулась я.

– Да, – важно кивнула Люся. – А завтра, после нашего дня СПА, ты вообще у меня засияешь, как начищенный пятак. И вообще, пора тебе за себя браться, похудеть немного, кремами снова мазаться начать. Высыпаться, в конце концов.

– Попробовала бы ты высыпаться с Сонькой, – грустно пожаловалась я. Как ни крути, а трудным был весь последний год, очень трудным.

А назавтра мы с Люськой действительно отправились в ее клуб, и мама, вопреки моим страхам, почему-то очень одобрила эту идею, хотя Людмилу в целом она не одобряла никогда. Скорее терпела от безысходности, ведь больше-то я ни с кем не общалась. Сидела сиднем дома, что, как говорила мама, тоже неправильно. Про самогонку я, конечно, малодушно умолчала, в остальном же все про вечер рассказала и про то, что Люська считает, что, может быть, мне надо как-то отвлечься и немного заняться собой.

В клубе было чисто, пустынно и просторно. Мраморные стены холла отражали звук, разнося эхо до самого потолка. Все кругом улыбались, а из-за дверей раздевалки доносился смутный гул и шум воды – где-то там был бассейн. Я прошла вслед за Люськой к своему шкафчику, огляделась, стесняясь того, что придется вот так переодеваться в людном месте, но желание упасть в мягкую теплую голубую воду оказалось все же сильней. И оно стоило того, я это поняла, как только сделала первую пару гребков, когда увидела, как яркое зимнее солнце играет, прыгает зайчиками по чистой воде.

– Хорошо? А, хорошо же? – отплевываясь и смеясь, дергала меня за руку Люся.

– Не то слово! – прокричала я, перекрывая шум воды.

– Там еще и джакузька есть, можно попу пощекотать, – сказала она, хохоча. – У тебя такой вид, будто ты из дикого леса только что вышла. Давай, Машка, расслабляйся и ни о чем не думай.

– Хорошо, – согласилась я и отдалась в ее добрые руки. Как же давно мы не были нигде вместе. Даже странно, будто моя жизнь развалилась на два отдельных куска, будто две планеты – моя жизнь до Дениса и после. Как в журналах: до и после, только мое «после» было значительно хуже моего «до». Когда-то мы с Люськой целыми вечерами болтали по телефону, ходили друг к другу в гости безо всяких там звонков и приглашений, придумывали всякие смешные штуки типа модных показов из маминых ночных рубашек. Дразнили Нинку мою, когда та еще не вышла замуж за своего Юрика и не остервенела. А потом появился Денис, и он как-то незаметно, но твердо оттеснил всю мою старую жизнь, отделил ее от меня, сделал это, ни слова не говоря. А потом и вовсе оставил где-то на обочине, заполнив весь мой мир без остатка. Тот самый мир, который сейчас такой пустой и больной. Люська, словно услышав мои мысли, подняла голову, мы лежали в сауне в этот момент.

– О чем думаешь? – спросила она. – А знаешь, я ведь даже рада, что так все получилось. Как-то мы с тобой в последнее время редко встречаемся. Алтуфьево – это же другой свет.

– Не так уж и далеко, – ради справедливости ответила я.

– Да, но сколько раз мы виделись за последнее время? Вспомни хорошенько. Ни разу!

– Это все ребенок.

– Ни черта, – возмутилась она так, что даже села на горячей лавочке. – Ты даже не звонила, а если я звонила тебе, у тебя никогда не было времени поговорить. И не потому, что ребенок. Ребенок, в конце концов, еще только год как родился. Не-ет, стоило мне позвонить, как тебя тут же куда-то там тянул ОН. И в гости он тебя не пускал.

– Я не хочу о нем сейчас.

– Нет, я просто говорю: он сделал все, чтобы мы не общались.

– Зато теперь можем общаться сколько хочешь, – отрезала я и вышла из сауны.

Люська бросилась вслед за мной с уговорами и прочим вздором. Я не стала возражать, чтобы не расстраивать ее, я вообще не очень люблю расстраивать людей. Так что мы проделали все, что было у нее там, в ее этом восстановительном списке. Маски, обтирания друг друга какими-то пахучими кремами, пили травяной чай в баре. Засиделись чуть ли не до самого вечера. Люся всю дорогу рассказывала мне, какие передо мной откроются перспективы, если только я приложу хоть чуть-чуть усилий и возьмусь за себя.

– Ты же молодая, красивая. Он же должен быть у твоих ног!

– Да уж, красивая, – хмыкала я. На меня из зеркала смотрела толстоватая, круглая, красного цвета девушка с тусклыми серыми волосами. Коротконогая к тому же. Красота неземная.

– Дура ты, Маруська, – вздохнула Люся и повела нас одеваться. Впрочем, все это было хорошо и даже прекрасно. Люська подвезла меня домой, так что я даже не успела не заметить довольно сильного зимнего морозца. Я сбросила пальто и, румяная, улыбающаяся, пробежала в кухню.

– Есть хочу – умираю, – потерла руки я.

Мама, с беспокойством осмотревшая меня с ног до головы, обратила внимание на явные признаки оздоровительных процедур и успокоилась.

– Подожди, не хватай куски. Ну, тебе понравилось?

– Что понравилось?

– Как что? Клуб этот? Что там, женщины хоть отдельно?

– Мам, конечно же, отдельно, – возмутилась я. – Там сауна в раздевалке, даже две. Одна такая деревянная, а другая турецкая, шипит.

– Как это шипит? – удивилась мама.

– Не знаю. Шипит, и пар идет. И так классно, – поделилась я, все-таки выхватив кусок курицы из сковородки.

– Значит, хорошо. Ладно, знаешь, мы тут с папой подумали, что, если это тебе на пользу, мы хотим тоже тебе такую карту подарить, – выдала на-гора мама. В кухню влезла возмущенная Нинка.

– Как это ей карту? С чего? А мне?

– А тэбэ пусть муж покупает, – раздалось из коридора. Папа, оказывается, тоже незримо присутствовал при беседе.

– Это нечестно! – злобилась сестрица. – Что, если меня муж не бросил, мне и в сауне не надо лежать?

– Тебе надо работу найти. Вениамин все равно в садик ходит, – фыркнула мама. – Тебе следует меньше дома сидеть.

– Ты же знаешь, как сейчас трудно с работой. И вообще, вы только ко мне придираетесь, а Машке – только любовь и респект, – выдала она, краснея от ярости.

– Что? – из коридора переспросил папа. – Что ты сказала?

– Ничего! – гаркнула Нина и убежала в свою комнату, гордо хлопнув дверью.

Папа, растерянный и обескураженный, зашел на кухню и смущенно посмотрел на маму.

– Я только нэ понял, что это – рэспэк? Это слэнг?

– Это ерунда, – отмахнулась мама. – Не забивай себе голову, Асланчик. Так что, съездишь в клуб этот? Как он называется?

– Мам?! – попыталась встрять я.

– Ладно, я у Людмилы узнаю. Может, она нам какую-то скидку там устроит?

– Мам! – крикнула я.

– Ну что? Возьми себе еще курицы, ладно.

– Ты не покупай мне никакую карту. Ок? – еще раз попыталась достучаться до нее я.

– Почему? – опешила она. Я устало опустилась на стул. Хотелось спать или хотя бы просто скрыться от всех этих проблем.

– Какой, мам, клуб? Как я буду из Алтуфьева в клуб этот Люськин ездить?

– Из Алтуфьева? Вы что, надумали опять сойтись?

– Мам, я решила сделать эту экспертизу.

– Дочь!

– Ну что дочь? Ты считаешь, будет лучше мне с ребенком тут у вас на руках повиснуть? Ты думаешь, что сауна может сделать меня счастливой? Я люблю Дениса. Я хочу его вернуть. Если для этого надо сделать сто тысяч экспертиз, я сделаю. Если он не верит мне так, я докажу ему официально. Мам, все будет хорошо, понимаешь?

– Хорошо? – подняла бровь она.

– Ну… по крайней мере, ты мне скажи, может, знаешь, где ее можно сделать, эту экспертизу?

– Эх, Маруся, – вздохнула мама, но больше давить на меня не стала.

Видимо, еще помнила, как все прошлые недели я сидела, тупо глядя в окно, и принимала успокоительные таблетки. И как ревела, когда думала, что меня никто не видит. Вернее, не думала я так, конечно, но ревела все равно. Не представляла я себе жизни без Дениса, что я без него? Кто я, пустая маменькина дочка, ничего не знающая решительно ни о чем. Скучная особа, честное слово!

Оказалось, что с экспертизой возникали определенные трудности. Собственно, с самой экспертизой как таковой все оказалось решительно просто. Папа, поохав и повозмущавшись, созвонился с каким-то своим знакомым и узнал, что и как нужно делать, чтобы доказать Денису чистоту моих помыслов и Сонькиной биографии. Следовало приехать вместе с жаждущим правды супругом на метро «Алексеевская», сдать кровь и подождать две недели – вот и вся проблема. Сложности начинались дальше. Во-первых, тест этот оказался не бесплатным, причем совсем. Стоимость его была вполне соотносима с полугодовым членством в том же Люськином клубе. У меня таких денег не имелось, вернее, будем говорить прямо, у меня их вообще никаких не было, я служила приложением к Соне: кто подберет, тот и финансирует. В данном случае мой папа, который наотрез отказался платить за это мероприятие.

– Ты что, не понимаешь, это же он все затеял! Он пытался опорочить твое имя, он должен бегом побежать и заплатить. А я и так еле сдерживаюсь! – кипел папа. В этом месте начиналась вторая сложность. Денис при слове «деньги» тоже как-то начинал скучать и делать грустное лицо. Об этом всем мне поведала свекровь, которая тоже не проявляла желания финансировать сию глупую и бессмысленную процедуру.

– Ты понимаешь, Машенька, я и так знаю, что внучечка моя. Я каждый вечер ему долдоню. Подумаешь, глазки голубые. Может, правда в тебя. Зачем деньги-то тратить? – жаловалась она, ссылаясь на жидковатую пенсию, паразита Лужкова и общую тяжесть пенсионной жизни.

– Так что же делать? – удивлялась я. – Он что, не хочет узнать правду?

– У него сейчас очень непростой период. С работой проблемы, могут уволить. Он и без того ходит сам не свой, – жаловалась та, потрясая меня до глубины души.

– То есть, а у меня что – период легкий? Легонький? Может, мне кредит взять, чтобы этот чертов анализ оплатить? – закричала я, после чего свекровь сказала, что мне надо явно принять одну из своих волшебных синеньких таблеток, что я явно слишком нервничаю и это может плохо сказаться на ребенке.

– Но поскольку неизвестно, ваш он или не ваш, какое это имеет значение? – усмехнулась я. На этой веселой ноте свекровь трубку все-таки бросила, чем немало порадовала меня, ибо почему-то она с ее вкрадчивым голосом стала меня бесить. Однако разговор наш не прошел бесследно, на следующий день мне позвонил сам Денис и строгим, сухим голосом спросил, зачем я довожу до инфаркта его мать. Однако от того факта, что впервые за месяц он сам – сам! – мне позвонил, я чуть не упала со стула, на котором кормила Софью.

– Я ничего такого не сказала, – моментально уточнила я, – Денис.

– Знаешь, я уж не буду выяснять, что ты ей наговорила. От тебя любого можно ожидать, ты к моей маме всегда относилась ужасно, но то, что я ее вчера валидолом отпаивал, – это, знаешь ли, перебор. Чего ты хочешь, Маша?

– Как чего? Анализ сделать.

– Зачем?

– Чтобы… как? Ну… чтобы ты мог… ну, – мямлила я, так как говорить на эту, прямо скажем, острую тему мне было болезненно. – Чтобы ты мог убедиться, что Соня – твоя дочь.

– Ты считаешь, у тебя есть шанс?

– А ты считаешь, что нет? – удивилась я. – Ты до такой степени все уже придумал?

– Я ничего не придумывал. Не говори со мной в таком тоне. Ты сама во всем виновата.

– В чем? – искренне поинтересовалась я. Впрочем, было ясно, что на этот вопрос он ответит без запинки. Плохая жена, плохая хозяйка, плохо, плохо, плохо – все

плохо.

– И имей в виду, проводить анализ там, где твой папаша может подделать результаты, я не буду, – под конец отрезал он. Я прижала трубку покрепче к уху, чтобы папа, не дай бог, не услышал этот вопиющий диалог. Все-таки, хоть и много лет проведя в Москве, папа был и оставался горячих кровей. А тут такое!

– Хорошо, – прошипела я. – Сделаем, где ты скажешь. Только у меня нет возможности его оплатить.

– Да уж, куда там. Я заплачу, хоть и не понимаю, почему я?

– Как почему? Это же тебе надо… удостовериться.

– Ладно, – коротко бросил он и отключился. Следующую неделю я сидела как на иголках, ожидая звонка, которого все не было. Звонила свекровь и, даже не упоминая о том инциденте с валидолом, рассказывала мне страшные истории о Денисовой загруженности. В конце концов я позвонила сама.

– Я сейчас занят. Чего ты хочешь?

– Ты нашел клинику? – так же коротко ответила я.

– Пока нет.

– Я попросила Люсю выслать тебе на е-мейл ссылки на несколько клиник. Тебе надо будет только выбрать какую-нибудь.

– Ладно, высылай, – зло ответил он, впервые заставив меня задуматься, а как же будут развиваться события после того, как мы все-таки сделаем этот анализ. Я что, триумфально вернусь в лоно Ядвиги Яковлевны, чемоданами вперед? Или Денис меня привезет? Или просто кивнет, посмотрев в бумаги, и оставит все как есть, сославшись на сильную занятость? Ведь если быть честной (хотя сейчас я находилась не очень-то в настроении быть честной, не тот у меня период), надо признать, что, как бы там ни обстояло дело с Сонечкой, Денис как-то не сильно скучает по мне. Я по нему – да, очень. Фотографию втайне от всех с собой таскаю, плачу по ночам. А он, кажется, не очень-то даже замечает мое

отсутствие. Главное, Ядвига на месте, а остальное – ерунда. Маму он любит, тут не поспоришь.

Вопрос с выбором центра окончательно решился только в начале февраля. Денис переслал Люсе по е-мейлу (что само по себе символично) адрес центра, который он выбрал. Естественно, это оказался самый далекий от меня, но довольно близкий к его дому центр, где-то на «Петровско-Разумовской». После этого еще некоторое время он все никак не мог вырваться с работы, да и сделал это только после конкретного давления с моей стороны. Я позвонила и спросила, не хочет ли он, чтобы я нашла клинику, которая делала бы анализы с выездом, прямо у него на работе. Это, конечно, выйдет дороже, но раз он так круто пропадает там, то наверняка стал очень хорошо зарабатывать. Конечно, он тут же зашелся в возмущенном крике, но за эти полтора месяца мне как-то уже было не привыкать. Он бросил трубку, но буквально на следующий день, десятого числа, сам позвонил мне поздно вечером и деловитым тоном очень занятого человека скомандовал:

– У меня есть окно четырнадцатого. Запиши нас на десять часов.

Слушаюсь, так и тянуло сказать меня. Но я, конечно, не стала его провоцировать лишний раз. Раз уж дело наше дурное сдвинулось хоть с какой-то мертвой точки, надо было пользоваться моментом. А то неизвестно, как долго его придется ловить, если что-то пойдет не так и он все отменит. Так что, не привередничая особо, я позвонила в клинику и попросила записать нас на анализ по «установлению генетического родства». Скучная женщина бесцветным голосом спросила, кого будем устанавливать.

– В смысле? – не поняла я.

– Ну, чье родство? Отцовство? Предполагаемое отцовство будете определять?

– Почему предполагаемое? – обиделась я. – И почему обязательно отцовство?

– Знаете, девушка, вот сколько я тут работаю, что-то никто еще не пришел предполагаемое материнство устанавливать. Все проблемы только с отцами, – усмехнулась она. – Так что вам писать?

– Да, пишите на отцовство, – пристыженно подтвердила я. Администратор, ничуть не удивившись, отметила нас в расписании и повесила трубку. Надо же, какое это, оказывается, обычное дело – подтверждение отцовства. Получается, что я не одна? Нас что, много таких, которым мужья не верят? Да уж, куда катится мир!

Глава 5

Если результаты превзошли ожидания…

Все кругом только и делают, что говорят о глобальном потеплении. Мол, и климат-то на Земле-матушке меняется, и ледники тают, скоро станет жарко, как в Африке, Европа (так ей и надо) превратится в пустыню безжизненную, а Америка (ей-то уж точно так и надо) вообще под воду уйдет. Помнится, было и в Москве несколько лет, когда эти байки о потеплении прямо-таки на глазах становились реальностью. Зеленые газоны в декабре. Цветущие розы на Новый год. Вся зима в резиновых сапогах – все было, и как-то расслабились мы после этого, что ли. Хотя меня лично настораживало, что в новостях частенько говорили, что такая же температура наблюдалась в столице родимой году в…дцатом прошлого века. Что, стало быть, тогда тоже глобально теплело? А отчего, если ездили они тогда еще преимущественно на конях и прочей лошадиной силе. У нее что, тоже выхлоп был ядовитый, губительный для живой планеты?

Но все на самом деле идет по кругу, по бесконечной спирали, и сомнения охватывают насчет всякого там потепления, когда термометр показывает минус двадцать восемь. Хотела бы я посмотреть на те льды, что вздумали бы таять при такой погоде.

– Может быть, лучше все перенести? – беспокоилась мама, с тревогой кутаясь в плед. Глобальное потепление добралось и до нашей квартиры, невыносимо сквозило изо всех щелей, окна покрылись инеем. Ехать, конечно, не хотелось никуда, но…

– Мам, я и так ждала столько. Ну его, лучше уж отмучиться один раз.

– А почему бы ему за вами не заехать? Все-таки он на машине.

– Ох, – только вздохнула я. – Ему-то там рядом, а досюда пока доедешь, вообще все время пройдет.

– Ну, удачи. Сонечка, как ты там? – спросила мама, расплываясь в улыбке. Соня недовольно что-то гукнула из-под попон и попыталась вывернуться. В который раз ее тяга к свободе была пресечена коварной взрослою рукой. Мы вышли на улицу и понеслись к остановке. Машины, ехавшие мимо, двигались медленно, так и не оттаяв, синие, заиндевевшие, пуская дым, который от холода стелился между ними. Люди на остановке имели практически тот же вид. Лица их в большинстве случаев скрывались за намотанными на нос шарфами. Мужики умудрялись курить, хитрым способом просовывая сигареты под шарфы, хотя одно то, что они держали их толстыми перчатками, делало задачу почти невыполнимой. Народу, ожидавшего транспорт, было много, Ярославка двигалась медленно, автобусов, да и маршруток не виднелось вообще. Наверное, в такой атмосфере не всякий уважающий себя автобус заведется в принципе. Люди стояли молча и не смотрели друг на друга, стараясь держаться внутри собственного микроклимата. Холод мог проникнуть внутрь от любого неловкого движения, так что все старались шевелиться по минимуму, только ногами перебирали. В эдаком анабиозе и зимней спячке мы даже не сразу заметили, как сквозь белые клубы проплыл и остановился почти напротив нас заледеневший, промерзший и пустой, видимо только что из депо, автобус. Двери открылись, но почти никто даже не шевельнулся.

– Ну, что стоим, кого ждем? – спросил вдруг веселый голос одного мужичка, того, видимо, который курил. – Товарищи пингвины, рефрижератор до метро подан.

Остановка засмеялась, расслабилась, потом засуетилась и стала плавно перетекать в недра, которые, надо признать, климатически ничуть не отличались от остановки. Водитель, отгородившись от нас плотными дверьми, воспринимал как личное оскорбление всякую попытку купить билетик.

– Холоду только нагонять, – ворчал он, выдавая очередной талон.

– Хоть бы салон натопил! – возмутилась общественность.

– Авось надышите, – причмокнул добрый водитель и закрыл скрипучую дверь. Я пристроилась в проходе, сунула коляску к окну и стала смотреть в мутную пробуждающуюся темень. Куда я еду? Зачем? Что я хочу доказать? Наверное, единственное, самое главное, что гонит меня в этот холод, это нежелание, чтобы он имел право думать, будто поступил со мной справедливо. Нет, все не так. Он бросил меня, сделал несчастной, разбил мне сердце. Он виноват в том, что я хожу по дому, не зная, куда себя приткнуть. Он и только он повинен в том, что я так себе противна. Он уничтожил мою жизнь, так пусть хоть не думает, что по моей вине. И если уж он решится оставить нас, оставить мать своего ребенка, свою жену, то пусть… пусть ему будет от этого плохо, пусть хоть иногда совесть чирикнет ему, что он поступил не так, как подобает мужчине.

– Будете выходить?

– А, что? – встрепенулась я, и образ мужа, образ нашей встречи, все те слова, что я старательно продумывала, чтобы потом ему сказать, тут же вылетели у меня из головы. На меня смотрела женщина лет шестидесяти, видимо симпатичная, но сейчас одетая в огромный безразмерный пуховик явно поверх ста свитеров и в пуховый платок под большой некрасивой шапкой. Холод убивает красоту наповал.

– Выходите?

– А мы где?

– «ВДНХ». Дайте я вас обойду, – недовольно фыркнула она.

– Я выхожу, – кивнула я, вытаскивая из уголка коляску. Сонька, надо отдать ей должное, дрыхла под своими попонками, не замечая ни толпы, ни огней, ни эскалаторов. Мы перешли на сторону легкого метро, поднялись и поехали на «Тимирязевскую», а оттуда дальше, на «Петровско-Разумовскую». В другое время, в другом состоянии, с Люськой или с Денисом… нет, пожалуй, все-таки с Люськой, я бы чувствовала себя в этой смешной вагонетке как на аттракционе. Для большинства он и был исключительно способом развлечься, но не для меня, не сегодня, не при двадцати восьми по Цельсию.

Мы добрались до места почти в срок. Некоторое время я потратила на то, чтобы разыскать клинику в глубинах местных дворов. Когда я вошла в белое здание,

ледяная, с мороза, мечтающая только о том, чтобы плюхнуться куда-то и начать греться, греться и оттаивать себя и Соню, мне продали синие пластиковые бахилы и отправили в регистратуру. Я зарегистрировалась, назвала все наши данные, объяснила цель визита. Регистраторша, дама с тусклым усталым взглядом, посмотрела на меня при этом с жалостью и еще немного с презрением.

– Тридцать первый кабинет. Предполагаемый отец где?

– Он еще не подъехал. Мы его подождем, – ответила я. Дама кивнула и перестала обращать на нас внимание. Мы с Соней сидели на лавочке и смотрели на входные двери. Дочь периодически начинала скучать, вскакивать с места, носиться по коридору и визжать. Я ловила ее, уговаривала, читала ей сказку, давала копаться в сумке, кусала губы, но Дениса все не было и не было. Я уже устала смотреть на часы. Он опаздывал на сорок минут, когда я решила, что надо все-таки позвонить.

– Сонечка, отдай маме сумочку, маме надо позвонить, – попросила я деточку. Соня не одобрила этого, но сумку отдала.

– Мне! – только на всякий случай заявила она, чтобы у меня не было сомнений.

– Конечно, тебе. Сейчас, только найду телефончик. Где же он? Черт, мы что, забыли его с тобой?

Телефона не было. Тут я заволновалась окончательно. Я подошла снова к тусклой регистраторше и, сбиваясь от смущения, объяснила ей ситуацию, попросила позвонить. Она с иронично-всепонимающим видом выставила в окошечко аппарат:

– Звоните.

– Спасибо, – кивнула я и набрала номер Дениса. Домашний номер, ибо, естественно, как и все нормальные люди, я не помнила наизусть номера его мобильника. На третьем гудке трубку подняли.

– Алло, – нежно спросила Ядвига. От одного ее голоса меня бросило в дрожь. Или это из-за холодов?

– Ядвига Яковлевна, а где Денис? Я его тут уже почти час жду, – поинтересовалась я, после чего на том конце провода повисла невразумительная пауза, полная шуршания и суеты.

– Марусечка, это ты? Ты где? – переспросила Ядвига голосом уж совсем напрочь проржавевшим и фальшивым.

– Я в клинике. А где Денис?

– Денис… Подожди секундочку, – прямо-таки елейным голосом попросила она.

– Он что ж, дома? – ахнула я.

– Сейчас! – крикнула она уже издалека и исчезла совсем.

Я стояла и не знала, что вообще мне на все это сказать. Через несколько секунд трубку взял Денис, что повергло меня в окончательный шок.

– Алло, – как ни в чем не бывало пробормотал он своим сухим голосом.

– Денис? – совсем по-другому отреагировала я. – Ты какого же лешего дома?

– Маша? Ты где? – еще больше заинтриговал меня он.

– Я? В клинике. В чертовой клинике, твою мать! С ребенком в пяти одеялах! А ты что же, дома? Что ты, на хрен, делаешь – дома?!

– Я… у меня машина не завелась. Мороз же, «Жигули» не заводятся, – пояснил он после некоторого раздумья.

– Что? – только и смогла выжать из себя я, стоя перед стойкой регистратуры с открытым ртом.

– Знаешь что, я тебе пытался дозвониться.

– И что? Ты знал, что мы едем. Взял бы такси!

– Знаешь, я не буду перед тобой оправдываться, – возмутился он. – Ты все это затеяла. Не надо было тащить ребенка в такой мороз. Что ты за мать?! – начал было он, но тут, надо признать, чаша моя переполнилась, и я повесила трубку.

– Выяснили все? – с любопытством уточнила регистраторша. От этого у нее даже глаза как-то засияли поярче. Интересная у нее все-таки работа.

– Он не придет.

– Понятно.

– Да, понятно. – Я, потупившись, поплелась к лавочке.

– Эй, девушка. Да вы не расстраивайтесь, такое часто случается. Мужики через одного не приходят. Сами, по доброй воле, приходят только те, кто хочет разобраться. А многие вообще не желают ничего знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-vedenskaya/muzh-ob-elsya-grush

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить